

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К14

Серия «Пограничье»

Серийное оформление *А. Фереза*

Художник *А. Чёрный*

Автор идеи *С. Лукьяненко*

Казаков, Дмитрий.

К14 Коллекционер : [фантастический роман] / Дмитрий Казаков. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Пограничье).

ISBN 978-5-17-088452-0

Такую коллекцию — ни продать, ни показать. «Собирая» визиты в причудливые реальности, проводник добрался до Центрума, где обнаружил секретный лагерь цадской инквизиции. Готовящихся в нем проповедников учат обращаться не только с молитвенником, но и с автоматом и взрывчаткой...

Взбалмошная красotka с таинственной биографией, агенты спецслужб, пограничники, одержимые жадой власти церковники, да еще и стоящие за ними чужаки из неведомо какого мира... Не слишком ли много для простого коллекционера?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088452-0

© С. Лукьяненко, 2013
© Д. Казаков, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ГЛАВА 1

В электричке было немногочленно. Утром пятницы, как и в любой будний день, жители Подмосковья стремились в столицу, продавать время, здоровье и силы акулам капитализма. Олег же ехал в обратном направлении, на Зеленоград и далее на северо-запад, и к зарабатыванию денег его поездка отношения не имела.

Хотя кое-кто счел бы ее пусть необычным, но все-таки бизнесом...

Соседи по вагону — две небритые похмельные личности и усталая девушка — поглядывали на Олега без интереса. Внешность непримечательная, одет так, что всякому ясно — решил мужик воспользоваться хорошей для конца сентября погодой и смотаться в лес за грибами; да вон и рюкзак на лавке стоит.

Ну а то, что в рюкзаке, постороннему глазу не видно.

Сошел Олег на платформе «Головково» и зашагал прямо на юг, в ту сторону, где меж полей и лесов петляет Истра. До нужного холма, поросшего стройными березами, добрался примерно через час и для начала прошелся по окрестностям, убедился, что вокруг никого нет. Не хватало еще столкнуться с настоящим грибником или охотником...

Но лес над Истрой был пустынен и тих, никто не хрустел валежником, не шуршал в кустах, лишь беспечно шелестели на ветвях птицы, да ветер равнодушно шелестел листвой. Значит, можно браться за дело.

Для начала Олег снял ветровку — там, куда он собрался, она не пригодится.

Тщательно обыскал рюкзак, вытащил непонятно как попавшую в один из карманов гарнитуру от телефона — ее

тоже придется оставить, иначе через несколько часов от полезного гаджета останутся лишь воспоминания.

Сунул вещи в пластиковый мешок и спрятал под одной из берез, в похожем на маленький погреб схроне. Приладил сверху аккуратно вырезанный кусок дерна, чтобы щелей не осталось, присыпал сухой листвой, да еще и пару веток бросил.

Олег много лет пользовался этим холмом, а точнее, участком земли на его южном склоне, и давно устроил тут все так, как надо.

— Пора в путь, — сказал он, доставая из рюкзака снаряженный и готовый к стрельбе АКСУ.

Вслед за автоматом в руке появилась бутылка водки — пару глотков отхлебнуть, еще несколько уйдет на то, чтобы прополоскать рот, брызнуть на отворот рубашки цвета хаки, дабы запах был настоящий, мощный. Процедура странная, но в его случае необходимая.

Полную на две трети бутылку Олег закрыл и поставил наземь — если кто найдет, то невелика беда, а если, вернувшись, хозяин обнаружит «пузырь» на месте, то тем лучше, пригодится для следующего раза.

После чего ударил себя кулаком в солнечное сплетение так, что едва не задохнулся от боли. Дыхание вылетело из груди, перед глазами поплыли радужные круги, а когда немного проморгался, то один, самый большой, едва не два метра в диаметре, никуда не делся, так и остался висеть над землей.

Не дожидаясь, когда боль в солнечном сплетении утихнет, Олег шагнул в него. Ощутил сопротивление, словно продавливался через густую грязь, а потом стало жарко. Зной лег на плечи раскаленной бетонной плитой, хлестнувшие по лицу лучи солнца вынудили зажмуриться.

Заросший березами холм сгинул бесследно, до горизонта протянулась выжженная равнина, покрытая сухой травой. Кое-где виднелись островки кустарника, далеко на западе темнело пятнышко леса, сверху нависало блеклое, словно выгоревшее небо, совсем не то что над Мо-

сквой или Нью-Йорком. «Дырка», привязанная к холму над Истрой, выбросила Олега туда, куда обычно.

Если пойти в том направлении, куда он стоял лицом, вскоре начнутся лишения жителей Пустоши, за которыми лежит республика Клондал, если развернуться и двинуться на юго-запад, то окажешься в пределах королевства Цад и вскоре доберешься до его столицы, именуемой Лирмором... А все это вместе называется Центрумом.

Когда боль ушла и вновь смог нормально дышать, Олег достал из рюкзака панаму, некогда купленную в Лаосе, — если не прикрыть голову, то через час ее напечет так, что забудешь, где ты находишься и зачем тут очутился.

После чего прикинул, где точно оказался, и зашагал в ту сторону, где над равниной висело белесое жгучее солнце. Опустить или тем более убрать АКСУ и не подумал — из Пустошей в эти места иногда забредают такие твари, рядом с которыми лев или белый медведь покажется ласковым котенком.

Ну и люди в Центруме разные встречаются, так же, как и на Земле.

Первого местного жителя встретил даже скорее, чем ожидал, — не прошло и двух часов, как на южном горизонте появилась точка, слишком подвижная для того, чтобы быть очередной группой деревьев. Вскоре стало ясно, что это человек и что шагает он навстречу. Ну что же, так даже лучше...

Олег остановился и стал ждать, не пытаясь спрятаться и тем более убежать, — скорее всего это один из тех, с кем сегодня он сам ищет встречи, и суетиться нет смысла...

Человек приблизился, обозначилась шляпа с широкими полями, настоящее сомбреро, и под ней узкое лицо, украшенное орлиным носом и пышными усами.

— ¿Hola, Manuel! ¿Que pasa?* — воскликнул Олег, опуская автомат.

* Привет, Мануэль! Как дела? (*исп.*)

— ¿Hola, gringo! Muy buen, — отозвался усач, обнажая в улыбке белоснежные зубы. — ¿Estas tu de nuevo? ¿I otra vez estas borracho?*

— А как же? — отозвался Олег все на том же языке. — Трезвому мне сюда дороги нет. Рад тебя видеть, Мануэль. Какие новости?

С выходцами из испаноязычных стран только так — нельзя сразу переходить к делу, для начала нужно обменяться сплетнями, вспомнить друзей и знакомых, иначе в тебе начнут видеть скучного торопыгу, ну и относиться будут соответственно, без души, без интереса.

— Все наши здоровы, слава святому Христофору, — ответил усач, подходя вплотную, и они обменялись рукопожатиями. — Игорь и Карл недавно контрабандиста поймали...

И в пять минут он вывалил на собеседника кучу информации, начиная с последних слухов о постельных похождениях младшей дочери короля и заканчивая бахвальским рассказом о собственных подвигах... о том, как явилось с Пустошей чудовище, похожее на помесь танка со скорпионом, и как пало в бою один на один, залив окрестности дымящимся ядом.

Мануэль был по происхождению мексиканцем, а по нынешнему месту работы — поручиком корпуса Пограничной стражи Цада. Служил он на заставе, что располагалась километрах в десяти к востоку и в отличие от большинства других могла похвастаться интернациональным коллективом.

Командовал там вовсе местный уроженец, и между собой общались пограничники по-цадски. Этот язык Олег тоже знал, но прекрасно понимал, что собеседнику приятно вспомнить родную речь.

— Что ты такое пьешь? — возмутился Мануэль, подойдя вплотную и уловив аромат дешевой водки. — Отвратительно, клянусь святым Франциском! Давай, покажи руку и рюкзак снимай...

* Привет, гринго. Очень хорошо. Это снова ты? И опять пьяный? (исп.)

Хоть он и болтун, и хвастун, и разгильдяй на вид, а обязанности свои знает.

Олег продемонстрировал правое запястье, где красовалась вытатуированная окружность — знак того, что он законопослушный негодьянт, товар из мира в мир носит, но лишь тот, какой дозволено, и платит налоги Пограничной страже.

— Вот не пойму я тебя, гринго, — продолжал Мануэль, заглядывая в рюкзак. — Таскаешься ты туда-сюда, продаешь какую-то мелочевку, но ведь не торгош ты, видно... Половину, а то и больше нам отдаешь, нет? Какой с этого навар? Да ведь никакого!

Олег пожал плечами — открывать цель своих визитов в Центрум он не собирался ни сейчас, ни когда-либо еще, ни развеселому пограничнику-мексиканцу, ни другому человеку.

— Может быть, ты что-то такое носишь, чего мы не можем найти, нет? — Мануэль выпрямился, огладил усы, в черных, навывкате, глазах его появился хищный блеск. — Запрещенное?

— Ага, рюкзаки, — согласился Олег. — Можешь ответить меня на заставу, обыскать. Запросто.

— Да ведь искали, и не раз, и даже в кишки тебе заглянули, но ничего не нашли, — махнул рукой усач. — И сейчас то же самое выйдет, не будь я Мануэль Пеллегрини, нет? Доставай бабло, декларацию заполнять будем...

Пусть вокруг другой мир, но бюрократия есть везде, и в Пограничной страже тоже.

Из рук в руки перешло несколько цадских золотых с изображением царствующего монарха, толстого и важно-го, в короне о восьми зубцах, что означают Восемь Добродетелей. На документе в трех листах и двух копиях появились закорючки-подписи, и Мануэль вытер со лба честный трудовой пот.

— Ну что же, иди, и пусть дорога будет точно мягкий ковер под твоими ногами, — сказал он, используя традиционное цадское напутствие. — Вот знаю я тебя... дай

подумать!.. Двенадцать лет, с того самого дня, как я сам тут появился... А так и не пойму, кто ты! Удивительно, нет?

Олег пожал плечами, мелькнула мысль, что сам не скажет, кто он такой в точности. Это дома, на Земле, он многим известен как Олег Васильевич Соловьев, кандидат психологических наук, бизнес-тренер с отличной репутацией и хорошей частной практикой, человек одинокий, но успешный...

Здесь, в Центруме, он Олег или Соловей, мелкий торговец, что через «дырки» носит товар из мира в мир, всякую ерунду, мелочь, от книг до инструментов, от специй до редкого алкоголя...

А кто он на самом деле?

Ему самому больше всего нравилось слово «коллекционер», хотя вслух он его никогда не произносил.

— Бывай, Мануэль, — сказал Олег, закинув рюкзак обратно на плечи. — Увидимся. Парням привет.

— А, это обязательно, — и усач подмигнул на прощание.

Пограничник двинулся дальше на запад, в сторону тех мест, где чаще всего появляются гости из других миров. Олег зашагал на юго-восток, и вновь зашелестела под ногами сухая трава, запрыгали из-под самых ботинок зеленовато-серые насекомые, похожие на кузнечиков. Похожие, но все же не такие, как в том же Подмоскowie...

Миновал русло пересохшей реки, что в марте, с началом весенних дождей, наполнится водой, а к лету, с новым приходом засухи, вновь обмелеет, станет не более чем большой канавой.

Дальше пошел, используя хорошо знакомые ориентиры.

К железной дороге выбрался, когда начало темнеть. Сначала разглядел насыпь, рубцом вспухшую на плоти степи, блеснули в лучах заходящего солнца положенные на нее рельсы; затем стало видно здание станции, большое, солидное, с колодцем и небольшим садом, окруженное крепким забором, и с дозорной вышкой, где торчит рыльце пулемета.

Пустоши не так далеко, а оттуда могут явиться хищные твари как на двух, так и на четырех ногах...

Зато свое оружие здесь можно и даже нужно спрятать, аккуратно сложить приклад и убрать в рюкзак так, чтобы нигде не торчало. Именно в первую очередь из-за малых размеров и веса Олег и выбрал АКСУ и много лет не пользовался ничем иным.

На станции торговца по прозвищу Соловей тоже знали, но документы все же проверили — кто знает, вдруг именно в этот раз дорогой гость пошел по кривой дорожке, решил заняться контрабандой?

— Все в порядке, — сказал кряжистый железнодорожник, изучив подпись Мануэля. — Ближе к утру состав на Лирмор будет, притормозят и заберут тебя, не сомневайся...

Олег только кивнул в ответ — местные порядки он знал.

Железные дороги — настоящее государство в государстве, та сила, что сохранила в Центруме хоть какой-то порядок и намек на единство после того как этот мир более века назад постигла глобальная катастрофа.

Тогда по непонятной причине начали стремительно разлагаться вещества, по-умному именуемые «высокомолекулярными углеводородами». Прямо в залежах оказалась уничтожена нефть, сгнуло все, изготовленное из местных аналогов пластика.

Последствия можно описать несколькими фразами — падение цивилизации, на тот момент превосходившей по уровню развития земную, одичание целых регионов, и все это усугублялось засухами и землетрясениями.

За прошедшие годы Центрум слегка оправился, но неведомая «болезнь», поразившая мир, никуда не исчезла — бесполезно привозить сюда нефть из Сибири или Персидского залива, и любой предмет из пластмассы, взятый с собой, через несколько часов исчезнет, распадется на водяной пар и углекислоту.

Ночь Олег провел в зале ожидания, в компании двух неразговорчивых фермеров, что тоже собрались в сто-

лицу. Ворочался на жесткой лавке, подложив под голову рюкзак, и думал о том, что ждет его впереди... Сначала Лирмор, где можно сбыть принесенный с Земли товар и нужно приобрести кое-что, ну а затем небольшое путешествие на юг от столицы, в дюны на морском побережье.

Что ждет там, он не знал. Пустая трата времени или новый «образец» в коллекцию...

Мимо станции с грохотом неслись литерные поезда, слишком быстрые, чтобы останавливаться, с натужным лязгом проходили товарняки, тяжело нагруженные, из сотни и более вагонов, доносились гудки.

Их состав пришел на самом рассвете, вскоре после того как Олег уснул по-настоящему.

Зевая, он вслед за попутчиками забрался в вагон и еще пару часов подремал сидя. А затем открыл глаза, обнаружил, что они миновали сортировочную станцию и подъезжают к Лирмору, и сонливость точно ветром сдуло.

Сколько ни бывал в этом городе, все равно не уставал им восхищаться.

Из обычного для этих мест «сухого» тумана, что приходит с моря, поднимались купола многочисленных храмов. Они напоминали исполинские воздушные шары, свет солнца, что висело в серой дымке огненным глазом, золотил и серебрил, заливал алым разноцветные стены из гладкого камня.

Вон расположенное около вокзала святилище Двенадцати Воплощений с дюжиной статуй по периметру крыши...

Вон собор Божественных Отпрысков, маленький по сравнению с остальными, но зато возведенный тысячу лет назад...

А вон громада Сердца Мироздания, где службы ведет сам король, он же верховный священник местной церкви...

Затем поезд нырнул в туман, соборы исчезли из виду, и осталось лишь глядеть на несущиеся мимо склады и полустанки, замершие на путях составы, все вполне обычное, как на подъездах к той же Москве.

— Лирмор-Центр, Лирмор-Центр! — объявил прошедший по вагону кондуктор, мощный, осанистый, и осенил себя знаком Священного Ока. — Да будет с вами благодать! Да будет дорога точно мягкий ковер под вашими ногами!

Спустившись на платформу, Олег встряхнулся — пора сбросить оцепенение, что осталось после бессонной ночи, отряхнуть с плеч остатки мыслей и забот, принадлежащих Земле, другому миру. Его там никто не ждет, никто особенно не побеспокоится, даже если он задержится тут или погибнет.

— Свежий кхруль! Свежий кхруль! — завопил подскочивший торговец, размахивая прутьями с насаженной на них мелкой жареной рыбешкой вроде корюшки. — Из моря! Сегодняшний улов!

— Спасибо, не надо, — отозвался Олег по-цадски с безупречным столичным выговором и пошел к выходу с платформы.

Осталось в стороне здание вокзала, огромное, аляповато украшенное, тоже похожее на храм, и потянулись узкие, забитые народом улицы. Лирмор проснулся, как обычно, пораньше, чтобы молиться и грешить, есть и пить, торговать, воровать и сплетничать, пока не стало слишком жарко.

Ближе к полудню суета замрет и возобновится лишь вечером.

Вокруг болтали на цадском, но иногда тренированное ухо ловило звуки других языков — тягучие, напевные слова джавальского; скороговорку клондальского, звучащего высокомерно, под стать людям, что на нем говорят; сложные фразы на краймарском, а вон двое темнокожих в тюрбанах, судя по внешности, выходцы с крайнего юга, лопочут на вовсе не знакомом наречии.

Хотя нет, он это уже слышал и знал отдельные слова...

Если и имелся у Олега в этой жизни какой-то особый дар, то этот титул мог получить талант к языкам, причем в широком смысле слова. Да, он знал основные наречия

Центрума, мог объясниться на полудюжине земных, но при этом он умел еще и понимать людей, которые вроде бы используют те же слова, что и ты, но вкладывают в них какое-то свое, особое значение.

Сленг люберецких гопников? Нет проблем.

Врачебная тарабарщина? Разберемся...

Арго уличных торговцев Лирмора, местами не похожее на классический цадский... Запросто.

Ему хватало нескольких минут, чтобы понять, как говорит другой, что именно означают для него те или иные группы звуков... и самому начать изъясняться подобным образом в достаточной степени, чтобы быть понятым и сойти за своего.

Несколько раз это умение спасало Олегу жизнь, и возможно благодаря ему он и достиг успеха как бизнес-тренер.

Шагая по утреннему Лирмору, он не просто вслушивался в болтовню горожан, не привыкших говорить тихо. Нет, он собирал информацию, обрывки слухов и сплетен, нелепые рассказы о том, что кто-то видел или слышал, — сведения, добытые таким образом, не раз помогали ему пополнить коллекцию, странную, какую не покажешь даже ближайшим друзьям.

Выпил кружку местного чая в уличной харчевне на углу рядом с церковью Факела Еретиков, принадлежащей местной инквизиции. Миновал еще парочку проулков, таких узких, что и два пешехода тут расходились с трудом, и окунулся в шумную вонь лирморского Большого Рынка.

Занимал он несколько кварталов, покупалось и продавалось здесь все, что можно отыскать в Центруме и прилегающих к нему двенадцати мирах, что обычно именуют «лепестками».

Ряды со сладями, над которыми вьются пчелы, и тут же лавки с холодным оружием... дары моря самого Цада и изделия механиков Сургана... развал с земными книгами, и около него палатка, где торгуют драгоценными камнями, и мнутя около нее два могучих охранника.

Шныряют мальчишки, оборванные и грязные, бродят собаки, воришки сучат ручонками, на каждом свободном пяточке показывают свое искусство маги, жонглеры и заклинатели змей.

Обоняние Олега вскоре захлебнулось в густой мешанине запахов.

Слух, к счастью, не пострадал, как и умение понимать, что говорят по-аламейски, лорейски или на немецком.

— Ха, опять ты, Соловей! — воскликнул торговец по имени Фарензи, когда Олег забрался к нему под навес. — Видит Священное Око, в последнее время ты зачастил сюда!

Был Фарензи тощ и смугл, как большинство уроженцев Цада, на круглом лице сверкали черные глаза, обычно выражавшие умильное, благодное довольство собой и окружающим миром.

— Еще скажи, что ты этому не рад? — буркнул Олег. — Или мне к Седому пойти?

— Что ты, что ты! — Фарензи испуганно замахал руками. — Этот гад тебя обманет! Говорят совершенно точно, что он богохульник и еретик, и зря инквизиция не взяла его за жирную задницу! Давай, Соловей, показывай, чего принес, и не медли, во имя всех Кругов Возрождения!

Каждый предмет из рюкзака Олега он встречал довольным хмыканьем, улыбался и чуть ли пузыри не пускал, но как дошло до денег, принялся ныть и канючить, жаловаться на тяжелые времена и на то, что только что заплатил десятину и что младшей дочке надо приданое собирать... Расставаться с золотыми, что лежали у него в кошеле, Фарензи страшно не любил.

— Грабитель ты, — пробормотал он, провожая гостя. — Разорил меня как есть!

— Это запросто, — согласился Олег, прекрасно знавший, что торговец еще сегодня к полудню вернет потраченное, а к завтрашнему вечеру продаст все принесенное с Земли с хорошей прибылью.

Когда выходил от Фарензи, зацепился взглядом за невысокого рыжего паренька, что рылся в лотке с лекарствами в склянках... Серая рубаха, мешок за плечами, запыленные сапоги, вроде бы уже видел этого типа сегодня, и если память не подводит, то на вокзале, в тот момент, когда сошел с поезда. Совпадение? Очень может быть... а может быть, и нет.

Олег ходил в Центрм много лет, и до сих пор это не вызывало интереса ни у кого, кроме Пограничной стражи... может быть, коллеги Мануэля решили проверить челнока-землянина, разузнать, чем он на самом деле занят, с кем встречается, не таскает ли с родины что-нибудь запрещенное?

Что же, первым делом нужно выяснить, в самом ли деле это «хвост», а затем при необходимости избавиться от него.

— Не трожь, не купил, — вспомнил Олег любимую присказку и отправился бродить по базару.

По привычке слушал, о чем говорят люди. Болтали о том же, о чем всегда в последнее время, — о распутной младшей дочке монарха, о том, что правитель стал излишне ленив, что высшие иерархи церкви многое решают сами; о том, что на севере набирает силу безбожный Клондал, что Аламея вот-вот нападет на Сурган или наоборот; что в горах на юго-востоке появились шайки разбойников, которых кто-то тайно снабжает оружием и припасами...

И это не считая мелких сплетен о том, что у кого-то сын попал в школу миссионеров, что черная кошка принесла трех щенков, причем белых, что в одном из прибрежных поселков спалили ведьму...

Через полчаса Олег уверился в том, что рыжий — именно «хвост». Тот шел следом как привязанный, маскировался не особенно умело, но и не отставал, делал вид, что интересуется тем или иным товаром, но ничего не покупал, даже продуктов не пробовал.

Откровенно говоря, погранцы могли отыскать более умелого топтуна. Вряд ли его скромная персона имела

шансы заинтересовать кого-либо еще. Хотя какая разница — в любом случае от «хвоста» нужно избавиться.

Олег не собирался посвящать посторонних, кем бы они ни были, в детали своего визита в Центрум... То, на что он тратит здесь большую часть времени, — исключительно его и только его дело и ничье больше...

Для начала заглянул в ряд, где торговали разной живностью, и приобрел клетку с сидящим внутри грызуном, сильно похожим на крысу — с голым длинным хвостом, острой мордочкой и умными глазами, но при этом с черными мягкими иглами, растущими в серо-бежевой шерсти. Без этого зверька ему сегодня не обойтись.

Обошел кругом забор вокруг Большой Ямы — арены, где в праздничные дни устраивались бои между людьми или между людьми и животными. Шмыгнул в один из торговых рядов, бегом одолел половину и свернул в узкий проход меж двумя палатками, отпихнул ногой удивленно взвизгнувшую псину.

Выскочил на Святой Пятачок, где, как обычно, вещал с телеги бродячий проповедник.

— Братья мои! — несся над Большим Рынком его мощный голос. — Тьма наступает! Видите ли вы знамения, Книгой Пророков означенные? Война, глад и мор ждут впереди!

Олег обогнул слушавшую проповедника толпу и пристроился к ней сбоку, стал одним из множества, но при этом расположился так, чтобы не пропустить рыжего, если тот явится сюда...

Ну точно, вот он, «хвост», запыхавшийся, с вытаращенными глазами. Теперь главное — не смотреть на него прямо, отвесить челюсть и изобразить на лице легкую придурковатость.

— Только союз под знаменем веры даст нам спасение! — продолжал вопить проповедник, дородный и мощный, в потрепанной рясе цвета вечернего неба, подпоясанной алым кушаком. — Все земли мира должны объединиться под святой властью Цада — и Сурган, и